

Дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия славянских сказок

ИРИНА.Ф. УХВАНОВА-ШМЫГОВА
(Минск)

Глаза и уши – свидетели ненадежные, говорил еще Гераклит. Мы видим, слышим что-то одно, возможно, в противопоставлении другому или созвучии с ним (другим фактом, мыслью, идеей или отношением к ним), но продолжаем держать во внимании и то, что остается на периферии глаза, уха – так называемые контекстные образы и шумы. И это уже, если использовать современную кинематографическую терминологию, формат «3D». Но есть и «4-, 5-, 6-D-форматы». Сколько же измерений, перспектив имеет (может иметь) реальность? Я думаю, что мы будем правы, если ответим емко – *открытое множество*.

А сколько реальностей в тексте, который включен в коммуникацию, т.е. стал событием, дискурсом? Как минимум две, ибо кроме реальности объективной, актуализуемой в тексте намерением автора, в нем присутствует и иная реальность, созданная кодом, актуализуемая помимо авторского намерения (а иногда и вопреки ему). Код не просто называет ту или иную реальность, он привносит в нее свою специфическую содержательную данность, а значит, удваивает ее потенциал, дает ей возможность «путешествовать» из *реальной* реальности в *виртуальную* и обратно. Какая из них первична, более значима? И та и другая могут стать главенствующей – как мысль диктует и конструирует форму, а потом в ней отражается и от нее отталкивается в своей реализации, так и материя задает репертуар значений, ограничивая мысль и ее понимание. Учитывая такую естественную для текста «поли-реальность», хочется предложить посмотреть на один из самых

затребованных обществом тип дискурса – на дискурс народной сказки – и на ряд *методик работы* с этими *прецедентными текстами*.

Что манифестирует, о чем повествует *сказка славянских народов*? Чтобы это выяснить, нам надо *реконструировать множество кодов*, которыми подается, с помощью которых конструируется содержание сказки. И в этой связи изначально обрагим внимание на идею, предложенную и описанную Павлом Флоренским – идею создания содержания в произведении искусства (он, в частности, говорит об иконописи) с помощью сознательного нарушения правил перспективы. Флоренский обратил внимание на то, что такой *код* обеспечивает реализацию в общении с иконой *каждый раз нового, иного содержания*. И это происходит благодаря использованию многоцентрированной перспективы – перспективы с особыми центрами, а иногда и горизонтами на одной картине, иконе. Сюда входит сложная разработка перспективных ракурсов с использованием *правил обратной, или обращенной перспективы*, а иногда и *перспективы извращенной и ложной*, *правил раскрышки и линий разделки*, невидимых непосвященному глазу, которые, будучи начертанными на иконе, составляют, по замыслу иконописца, «совокупность заданий созерцающему глазу, линии заданных глазу движений при созерцании им иконы»¹. Все это и составляет, по Флоренскому, применение *сознательного* приема иконописного искусства – искусства, с которым народ всегда соприкасался, искусства, которое ему не надо было понимать, но чувствовать и сопереживать.

Мы позволим себе предложить идею о том, что славянская сказка, включенная в коммуникацию также имеет в своих текстах такого рода перспективу, а точнее перспективы с их особыми линиями «разделки» и правилами «раскрышки», как бы руководящие чтением текста, создающего совершенно особые живые и подвижные, трансформирующиеся в контексте общения *картины реальности – дискурс-картины*. Каковы же они? Это картины *особого знания*, запакованного в них, и картины *отношения к нему*; картины *особых миров* и картины *особым образом организованных сообществ в их интерактивной данности (коммуникативных кортежей)*; картины *событий*, обретающих особые смыслы в момент их совершения (*актуальные смыслы*), но и сохраняющих иные смыслы, будучи обращенными в историческое прошлое (*прототипические смыслы*).

1 Флоренский П.А., *Столп и утверждение истины*, т. 1. (1–2), Москва: Правда, 1990, с. 47.

Признавая наличие дискурс-знаний, -отношений, -миров, -сообществ, а также дискурс-смыслов, мы говорим о том, что их можно «достать», «распаковать». Отсюда и предлагаемый метод *реконструкции дискурс-картин*. Каким образом мы предлагаем подойти к реконструкции этого открытого множества реальностей сказки? Полагаем, что важно осознать целевой диапазон исследования, выбрать исследовательскую процедуру и техники, посмотреть, как они работали ранее и какие результаты можно от них ожидать.

И здесь мы однозначно выбираем каузально-генетический подход, предполагающий проведение функционально-динамического (подвижного, диалектически-осознанного) качественного исследования. *Качественное исследование* предполагает: (1) *целостность* видения изучаемого явления (сказки) как единого знака, что ведет за собой признание его изначальной двуликости, а с учетом того, что каждое лицо имеет пару глаз, то и признание множественности объектов наблюдения (исследованию подлежат: объект общения и его вербальное оформление (вербализация информационной стороны общения), а также субъекты общения и их вербальное оформление (вербализация интеракции)); (2) особое внимание к ментальной данности – *структуре*, задаваемой изучаемым явлением, также с признанием ее диалектического свойства, а значит, ее подвижности, изменчивости; (3) изучение взаимодействия *актуального и латентного* содержания с особым фокусом внимания на эксклюзивность каждой конкретной дискурсии; (4) селективность подхода, а значит, *выбор* между возможными логическими структурами исследования; (5) выявление тенденций, которые имеют место в конкретных дискурсиях (просто анализ текстов не является самоценным); (6) зависимость манифестируемой информации от субъектной (не субъективной) ситуации общения, и, как результат, смену фокуса внимания с текста данного конкретного адресанта на сам текст и текст адресата. *Функционально-динамическое исследование*, в свою очередь, нацелено на *поиск противоречий* как движущей силы познания и их составляющих с учетом характера их *взаимоотношений* и порождения *качественно новых смыслов*, а значит, на поиск:

- соотнесения, интеракции новых смыслов и их осмысления в новых контекстах,
- самостоятельного воплощения новых смыслов в их применении к разным событиям и сообществам,
- их соподчинения в силу тех или иных обстоятельств (концентрация, соподчинение),

- выход этих взаимоотношений в неприятие.

Но вернемся к **методе реконструкции** и тому, как он понимается в каузально-генетической перспективе. В его основе медленное чтение изучаемого материала (без предварительной установки на то, что именно следует «увидеть», но все же с поиском множественных ответов на одни и те же вопросы (о чем речь? что именно об этом говорится? как говорится? каково отношение к предмету общения? кто с кем общается? как именно? в каких отношениях находятся между собой общающиеся?). Повтор вопросов происходит с каждым прочтением и пере-прочтением, ибо каждый раз меняется фокус внимания. Таким образом происходит изначальный сбор базы данных. Каждый новый виток несет в себе определенную верификацию. Последняя имеет место и в вариативности организации базы данных – поиске оптимальной или оптимальных для каждого конкретного случая форм организации собираемого материала – структурных и линейных, системных, структурных, иерархических. Далее этап описания, иллюстрирования, комментирования каждой проработанной позиции. И наконец, идет поиск синтетических или *кластерных* (совместно реализующих себя) составляющих, что переходит в поиск смысловых реализаций с учетом эксклюзивности и прототипичности изучаемого материала, контента и контекста реализации². Следует добавить также, что каузально-генетический подход, используя одновременно аналитические и синтетические исследовательские практики, предлагает сделать более прозрачной границу между понятиями «контент» и «контекст» и *строить теорию контекста* как выходящую из *теории контента* (теории содержания)³. В этой связи понятия «вписанный», «актуализированный» контексты равны понятию «кон-

2 в данной связи см.: I.F. Oukhvanova-Shmygova, *Cause-Genetic theory of text content in its application to mass media text studies*. — *Proceedings of the XVIth International Congress of Linguists*, July 20–25, 1997, B. Caron, ed., Paris: Pergamon. An imprint of Elsevier Science, 1998; статьи И.Ф. Ухвановой-Шмыговой в серии книг «Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы анализа текста», Выпуски 1–6, Минск: 1998, 2000, 2002, 2008, 2010, 2011; *План содержания языкового знака: от слова к тексту, от структуры к системе*, „Философская и социологическая мысль”, Киев: 1993, № 24, с. 3–15; И. Ухванова-Шмыгова, *Качественный анализ текста. – Постмодернизм: Энциклопедия*, Минск: Интерпресс-сервис. Книжный Дом, 2001.

3 см. статьи И.Ф. Ухвановой-Шмыговой и Е.В. Савич в сборнике материалов международного круглого стола *Дискурс в академическом пространстве*, Выпуск 1 серии «La Table Ronde», Минск: «Издательский центр БГУ», 2010.

тент», а дискурс обретает черты текстов, конструирующих реальность (реальности), ее (их) прописывающих и предписывающих. Соответственно, понятие «дискурс-картина» обретает в гуманитарном знании свои особые, отличные от функционирующих в гуманитарной науке понятий – «картина мира», «языковая картина мира». И суть отличия заключается в ее изначально задаваемой подвижности, изменчивости, функциональности, трансформационной данности, адаптивности. Эти характеристики картина приобретает, будучи в привязке к аудитории, создающей смыслы. Таким образом, мы не можем говорить о ее универсальности, а скорее фрагментарности, которая, однако, не нарушает цельности, а образует каждый раз цельности. И это происходит благодаря тому, что дискурс-картины всегда работают в парах: знание-отношение, смысл-сущность, предмет-ориентированная – субъект-ориентированная.

Опыт работы последователей и разработчиков каузально-генетического подхода с дискурс-картинами в различных типах дискурса (А. Поповой, Е. Савич, А. Маркович, Я. Зинченко, Л. Курчак, Е. Янченко, О. Туркиной, О. Калиновской) показал, что ключевыми в их реконструкции становятся дискурс-категории «локальность» (фрагмент реальности), «системная характеристика» (номинализация реальности в ее системном развитии, вербализации), «структурная характеристика» (ментальные структуры с учетом глубины их разветвленности в каждой конкретной дискурсии), «операциональная или функциональная значимость» (функциональные и функционально-динамические модели реализации интеракции), социальная и ситуационная каузация (форматно-жанровые лимиты взаимодействия).

Предлагаемый взгляд на изучение сказки с позиций реконструкции в ней дискурс-картин настолько глобален, что, с учетом необходимости репрезентировать дискурс славянской сказки на примере реальных дискурсий, нам следует *ограничить* себя здесь, в данной статье, одной из функциональных пар и одной из техник репрезентации. В этой связи сконцентрируем свое внимание лишь на *одной из пар*: предмет-ориентированной дискурс-картине, или **дискурс-картине мира** (тематическая сетка содержания каждой конкретной дискурсии) и субъект-ориентированной, или **дискурс-картине кортежного взаимодействия** (ролевая сетка, определяющая характер взаимодействия общающихся в каждой конкретной дискурсии – сказке). Соответственно, ограничим себя актуализацией и *одной из техник* реконструкции – *техникой открытого комментирования* (оставив остальные за пределами данной публикации). Полагаем, что

схематичная репрезентация данной техники на примере трех коротких белорусских и трех еще более коротких украинских сказок, поможет увидеть не просто данные дискурсии в их многофокусном приближении, но и *показати тенденції* того, как каждая нация подходит к описанию своего мира и своего стиля речевого поведения. Сказки взяты из недавно изданных сборников сказок для малышей двух славянских стран: «Не сілай, а розумам. Бытавыя казкі і казкі пра жывел»⁴.

Нижче ми пропонуємо по три казки, выбраныя намі з кожнаго з зборнікаў, з каментарываннем рэзультатаў рэканструкцыі вышэназваных дыскурс-карцін. Казкі і каментарыі к ім прызначаны прадэманстравать унікальнасць кожнай казкі і разуменне таго, што рэканструкцыя максімальна адкрытага прастранства кожнай адзінчнай казкі дапамагае на малым матэрыяле ўбачыць і адзінчнае і тыповое, прататыпічнае зместнае, а значыць, і ў чым-то зразумець людзей, ствараючых гэтыя казкі, паглядзець на свет і ўзаемадзействіе людзей ў ім іх вачыма.

Дыскурс-карціны беларускіх казак для малых: На прымере трох казак

1. СТАРЫ БАЦЬКА. Даўней было так: як са старэй бацька, то сын завязе яго ў глухую пушчу. ды і пакіне там. Вось аднаго разу павёз сын бацьку ў пушчу. Шкада яму бацькі, – моцна любіў ён яго, але што зробіш? Не павязеш – людзі смяяцца будучы: старых, скажуць, звываюць не трымаецца. Яшчэ з сяла выганяць... Едзе ён так маркотны, а бацька і кажа яму: «Няўжо ты, сынку, мяне, старога ды нядужага, аднаго ў пушчы пакінеш?». Падумаў сын, змахнуў слязу і кажа: «Не, бацька, не пакіну. Але для людзей хоць трэба зрабіць гэта. Уночы я прыеду па цябе, забяру і буду трымаць да смерці ў цёмнай каморцы, каб ніхто не бачыў». Так сын і зрабіў. Як прыйшла ноч, прывёз ён бацьку з пушчы ды схваў у цёмнай каморцы. Здарылася няшчасце: град усё жыта выбіў, і няма чым нават новага пасеяць. Прышоў сын да бацькі ў цёмную каморку, бядуе: «Што рабіць? Не пасеем жыта – і налета без хлеба будзем». Бацька кажа: «Не, сынку, пакуль я жыў, без хлеба мы не будзем. Слухай мяне. Як ты быў яшчэ малы, тады я гумно ставіў. А ў тым годзе быў вельмі ж добры ўраджай. Дык я немалочынам жытам гумно накрыў. Здарыў страху, абмалаці і мецьмеш⁴ насенне. Сын так і зрабіў. Сапраўды страху з гумна, абмалаціў і пасеяў увосень жыта. Суседзі дзівацца: адкуль ён насенне ўзяў? А сын маўчыць, бо нельга ж прызнацца, што гэта стары бацька яму дапамог. Прышла зіма. Няма чаго есці. Зноў ідзе сын да бацькі. «Так і так, – кажа, – давядзецца з

4 Серия «Бібліятэка беларуская дзіцячай літаратуры»; Мінск: «Юнацтва», 1998, 223 с.; «Сказкі Украіны» в пересказе Клавдии Лукашевич (серия «Сказки православных народов»), Москва: изд-во Русский Хронограф, 2006, 160 с.

голаду паміраць...». «Не, – кажа бацька, – з голаду не памром. Вазьмі рыдлёўку ды пакапайся ў хаце пад лаваю. Там я некалі, як быў яшчэ малады і дужы, закапаў трохі грошай на чорны дзень. Жыццё, сынку, пражыць – не поле перайсці: усё можа здарыцца. Так я думаў, так і рабіў». Зарадаваўся сын, выкапаў бацькавы грошы і купіў збожжа. Сам з сям’ёю хлеб есць ды яшчэ і суседзім пазычае. Вось яны і пытаюцца ў яго: «Скажы ты нам, браце, адкуль ты хлеб бярэш?». Прызнаўся сын: «Бацька мяне корміць». «Як жа так? – дзівяцца суседзі. – Ты ж завёз свайго бацьку ў лес, як і ўсе добрыя сыны!». «Не, – кажа ён, – я не зрабіў так, як вы робіце, а пакінуў бацьку пры сабе дажываць веку. Затое, як прыйшла бяда, – бацька мне і дапамог. Старыя людзі большы розум маюць, чым маладыя». Перасталі з таго часу сыны бацькоў у пущу вазіць, а пачалі пад старасць шанаваць іх і даглядаць.

Анализ-комментарий к сказке «Стары бацька». В реконструкции реальности, запечатленной в сказке, ведущими для нас стали разнообразные дихотомические пары. Это – (1) *время* и *реальный человек*, действующий по своему разумению. Причем, действия человека *не параллельны действиям других*, они не противопоставляют *его другим*, не делают невозможным диалог между людьми, не разводят их ценности по разную сторону (это *не конфликт*). Человек остается частью целого, и в результате меняет качество этого целого. Здесь время несет в себе смысловую нагрузку (времена меняются, время временно), а человек – сущностную (такие качества человека, как любовь, доброе отношение к родным и соседям, помощь друг другу, остаются с ним вне времени). Возможно увидеть и другие начала, другие реальности мира сказки, например, (2) знание и отношение – человек знает, что должно, но ведущим оказывается отношение, которое и приносит новое знание; или (3) традиции и реальность – человек признает традиции, чтит, не хочет быть осмеянным, но и свое имеет разумение (так подумал – так и сделал). Можно реконструировать из сказки не только дихотомические основания, но и вечные, непреходящие ценности, как-то: (4) жизнь – человек ее ценит во всех проявлениях и бережет, а отсюда жизнь и умение жить становятся единым целым. Еще такой неразрывной ценностью, вокруг которой сконцентрировано содержание, является (5) сообщество – куда входят не просто люди (они все же остаются несколько в стороне, с ними нет общения, есть только осторожное поведение по отношению к ним: как бы чего не вышло), а соседи (им помощь, их любопытство удовлетворено). Возможны и другие актуализации содержания реальности, как-то: (6) *жизнь как смена радостей и горестей*, и, далее, ее горести заложены в окружающей действительности (град, зима), и т.д.

Реконструируя характер взаимодействия автора и читателя, можно отметить также, что смена в названиях временных отрезков, природных

явлений, а также смены кортежей общающихся (групп, выступающих как коммуникативные единства, ситуативно обусловленные дискурсные сообщества) придают нарративу неспешность и значимую последовательность в презентации происходящих событий, а их номинация объясняет их характер, дает им оценку. В результате отношения становятся доверительными. Ожидается, что читатель примет описываемые события как должные, а результат изменения общего отношения к событиям как логичный, обоснованный, приемлемый.

2. БЕЛЫ ВОЎК. Быў дзед і баба, мелі яны сабе адну дачку. Жылі яны бедна. Дзеду грэба было пайсці ў лес дроў насычы. Сячэ, ён, сячэ, аж ідзе стада ваўкоў, а папярод самы большы воўк – белы. Прыходзяць да старога і гавораць: «Стары! Мы цябе з’ямо». Стары стаў кланяцца белаю ваўку, аж белы воўк адзваецца: «Я чуў, што ў цябе, стары, ёсць харошая дачка: калі аддасі за мяне, то яшчэ паможам табе дровы ў вязку пазбіраць і падаць на плечы». Стары пакланіўся і згадзіўся аддаць дачку за белага ваўка. Воўк назначыў дзень, калі яны прыйдуць жаніцца з дачкою; дапамаглі дровы старому забраць і адпусцілі яго. Стары прыйшоў дадому, сказаў бабе і дачцы, што ён бачыў у лесе і што мусіў абцяпаць выдаць за белага ваўка дачку. Маці з дачкою паплакалі і ўжо чакалі таго дня, калі меў белы воўк прыйсці з вяселлем. Стары парадзіўся са сваёю бабаю, каб хаця самім уцячы ад ваўкоў, бо як не даг-одзім ім, то і нас з’ядуць: «Няхай астаецца дачушка адна, што ёй бог ласць, а мы ўцякайма заўчасу за мора». Убралі дачушку, як да шлюбу, паблагаславілі яе, а самі за тры дні наўпяр-од уцяклі. Дачка чакае святоў і плача, заліваецца слязамі, як хаваючы нябожчыка. А быў у яе казельчык ды вельмі разумны; пытаецца ён: «Чаго ты, паненачка мая, плачаш?» Яна яму расказала аб усім: як тата абцяпаў яе выдаць за белага ваўка і што яны праз дзень ужо прыйдуць жаніцца. Казёл жа супакоіў: «Не бойся! Скідай з сябе ўсе гэтыя стужкі і ўборы, давай кулік саломы». Убралі куль, як маладую, і паставілі на покуце за сталом. Сам казёл узяў набраў у рэзгіны сена, уклаў у сярэдзіну дзяўчыну, закінуў сабе на плечы і давай уцякаць за мора. Аж сустракаецца на дарозе з тымі ваўкамі. Яны ўжо йшлі да маладой. Пытаюцца ў казла: «Куды ты гэта ідзеш з сенам? «У майго гаспадара будзе вяселле – дачку аддае за белага ваўка, іду за мора купляць розныя віны і прыправы і нясу сабе сена на дарогу». Прыходзяць маладыя дахаты, сталі перад дзвярыма. Як завядуць, нібыта музыкі, – хацелі, мусіць, марша зай-граць, але, вядома, як ваўкі: адзін танчэй, другі таўшчэй... і равуць пад хатаю. Уваходзіць сам белы воўк, глядзіць – нікога няма ў хаце, а толькі маладая сядзіць на куце ўбраная. Залез туды і малады, прыглядаецца да маладой, але ў яе вочы завешаныя; загаварвае да яе, а яна не адзваецца. Ён і так, і сяк, а яна маўчыць. Не стала ваўку цяпення і як штурхне яе – аж глядзіць: куль саломы упаў на зямлю. Як скокне воўк і ўсё яго вяселле, як затарзянуць усе гэты куль – разарвалі яго і растрэслі па саломінцы, а самі пабеглі даганяць казельчыка. Але пакуль яны дабеглі да мора, казёл ужо пераплыў на другі бок. Тады яны адзін на другога: «Скачы ты ўперад у ваду!» А той: «Скачы ты ўперад у ваду!». І ні той, ні другі не скача. А потым як папхнулі адзін другога – і ўсе атапіліся. Казёл убачыў з таго боку мора, што ваўкі атапіліся, быў вельмі рады, паслаў дачку, каб знайсці бацькоў – дзед да бабу. Тыя даведаліся, што ваўкі атапіліся, вярнуліся назад да свае хаткі. Сталі там смела жыць ды пажываць і сталі ўжо цяпер багатымі. Купілі сабе каня. Стары ўжо не на сабе

дровы насіу, а возам вазіу; дачушка сама ткала і прала, і кашулі шыла, і краіла. Казёл глядзеў у іх за парадкам.

Анализ-комментарий к сказке «Белы воўк». В реконструкции реальности, запечатленной в сказке, ведущими могут стать разнообразные дискурско-категории, как например те, которые соединили вместе причинно-следственные связи: (1) бедность и то, что она с собой несет (с одной стороны, безволие родных – *параллельное существование*; с другой стороны, ум и преданность тех, кто вступает в *диалог*, становится героями, и даже вершителями судеб тех, с кем рядом); или (2) проблемы одна за другой и их решение (уйти от проблемы обманом ли, манипуляцией, или просто уйти физически: бежать в другие края, или подождать, когда проблема разрешится сама, *не вступать в конфликт* (другие просто погибнут сами). В то же время могут быть реконструированы из этой сказки и единичные дискурско-категории, как, например, (3) категория «пространство» (а не «время», как это было в предыдущей сказке); именно она несет в себе *смысловую нагрузку* (его можно изменить в целях безопасности), эта категория идет вне прямой привязки к субъекту, герою. Также интересно развитие (4) категории «субъект» (герой): и он сохраняет в себе многоликость, возможность смены своих качеств, мобильность, адаптивность (*сущностная характеристика содержания*). Можно реконструировать из этой сказки и то, что (5) жизнь есть ценность (отсюда и значимость качества «адаптивность»). В то же время категория (6) сообщество распадается на малые группы при появлении проблем (смешанные группы – люди, звери) и вырастает количественно (опять-таки смешанные группы), когда проблемы решены. И в этой сказке возможны и другие актуализации содержания реальности, как-то: жизнь есть смена радостей и горестей, а горести заложены в окружающей социальной реальности (чужие). Можно добавить, что реконструкция такого явления, как «бедность», здесь возможна не только в причинно-следственной связи, но и в сочиненной: что есть бедность (сообщество как бы рассыпается), а что есть богатство (совместный труд во благо всех).

Реконструируя характер взаимодействия автора и читателя, можно отметить, что автор держит читателя в некотором напряжении – события сменяют одно другое, и нет уверенности у читателя в том, что развязка будет счастливой. Это происходит потому, что события как бы «тасуют» кортежи (кто с кем, почему). Впрочем, становится очевидным, что дети свободны в своих действиях (взрослея) и сами строят свою судьбу, выбирая себе тех, с кем им быть. Так же, очевидно, свободен и читатель в выборе трактовки

сказки. Никто ни на кого не в обиде, никто ни за кого окончательно не принимает решений.

3. ПЧАЛА І МУХА. Жылі-былі пчала і муха. Пчала з ранку да вечара па лугах лятала, мёд збірала. А муха мёд толькі есці любіла. Дзе мёдам запахне, там і яна. А дзе мёду не чуваць, там муха не хоча нават і пераначаваць. Аднаго разу прысела муха адпачыць на зялёным лузе. Сонейка муху прыгравае, лёгкі ветрык абывае. Кругом кветкі цвітуць, шустрыя конікі скачуць. У небе птушкі спяваюць. Задумалася муха: як добра на свеце жыць! Дума-ла-думала ды і задрамала. А ў гэты час над лугам пчала пралятала. Ляціць, гудзе, мёд у вулей нясе. Цяжка ёй, аж стогне небарака. Прахапілася муха ды як закрычыць на пчалу: «Ах ты сякая-такая! Чаго тут над вухам стогнеш, мне спаць не даеш!». «Выбячай, сказала пчала. – Я шмат мёду нясу, дык і стагну». «Ха-ха, засмяялася муха, – шмат мёду нясеш, а сама, нябось, галодная: вунь якая худая – адны косці...». «Праўда, адказвае пчала, – мы, пчолы, збіраем пуды, а самі худы». «А чаму ж вы худы? І мёд у вас, і вапчына ў вас...». «Дык жа мёд мы збіраем не толькі сабе, а і сваім дзеткам, і гаспадару, які нам хату зрабіў, даглядае нас». «Чакай, чакай, – кажа муха, – я нешта не зусім добра цябе разумею: як гэта можна збіраць мёд для іншых? Мы, мухі, так не робім. Мы толькі гатовага мёду шукаем». «Ат, замахала крыльцамі пчала, няма мне калі з табою гаманіць: трэба хутчэй дадому спяшацца, мядовую кашку дзеткам варыць». «А дзе возьмеш ты мядовую кашку?» «На сабе вазу». «У чым?» «У вазку, у палазку і за пазушкай». Загула пчала ды паляцела ў свой вулей.

Анализ-комментарий к сказке «Пчала і муха». В реконструкции реальности, запечатленной в сказке, ведущими становятся *параллельные миры* пчелы и мухи: одна – в работе, заботе о своей семье и своем благодетеле – хозяине; другая в неге, отдыхе, мыслях о красоте. Пересечение этих миров все же есть, и хотя оно случайно и нежелательно для мухи (оно нарушило ее покой), эти параллельные миры «вошли в контакт», в *диалог*. Обменялись отношением друг к другу (недовольство с одной стороны и извинение с другой), информацией друг о друге, убедились, что они не похожи, и разошлись. О чем сказка? О том, как отличаются миры разных существ, живущих по существу рядом, о том, что узнавание другого не такая уж и большая ценность, каждый занят своим, у каждого свои роли, которые ему и выполнять, а другие могут быть лишь временной помехой, не более того. Кому что на роду написано, тому так и жить.

Параллельные миры становятся и категорией картины короткого взаимодействия в данной сказке. Автор предлагает читателю простое описание, без анализа, оценок, морали. Глядя на мир животных – параллельный мир – со стороны читатель волен делать свои выводы из ситуации безотносительно еще одного параллельного мира – мира повествователя.

Carpe diem (olej, 150x130 cm, 2009 r.)

Дискурс-картины украинских сказок для малышей: На примере трех сказок

1. *ПОХВАСТАЛИСЬ*. Купил себе мужик новые чоботы, жинке – перстеньков, а дочери – сережки. Пришел праздник; они все и понадевали обновы. Мужик сел на лавку, выставил ногу, чтобы все видели его чоботы, стучит по полу и говорит: «Жинка, отчего у нас хата не метена?» А жинка протянула руки вперед, растопырила пальцы, чтобы видели ее кольца, и водит руками: «Я говорила, я говорила!» А дочка замотала головой, чтоб ее сережки болтались, и приговаривает: «Сколько ж раз хату мести! Сколько ж раз хату мести!»

Анализ-комментарий к сказке «Похвастались». Ценность и радость обновы в центре внимания героев. Их мир в праздник меняется благодаря обнове: они в ней – и как будто другие, демонстрируют ее друг другу, сами довольны. А говорят о другом – и невпопад. Но это как бы и неважно. К месту – обновы, а не предмет разговора, форма, а не содержание. Т.е. мир здесь и не параллелен, и не конфликтен. Нет и диалога как такового, ибо нет предмета разговора, но есть интеракция с поворотом на свой мир, свою обнову, свою эксклюзивность. Каждый показывает себя.

Данная сказка настолько мала, что и по форме и по композиции является, скорее, народным анекдотом. Этот малый жанр угадывается с первых же слов и сразу настраивает читателя на соответствующую реакцию. Интенция высмеять в данном случае настолько заразительна, что даже не требует анализа и пояснения, автор и читатель вместе изначально. Они вместе смеются над героями и над абсурдностью ситуации, а рiогi понимая, что ценность не в форме, а в содержании: человеку не гоже быть эгоцентричным.

2. *КРИВЕНЬКАЯ УТОЧКА*. Жили-были дед да баба; детей у них не было. Скучно им жилось. Однажды пошли они по грибы. Берет баба грибочки и видит под кустом гнездо, а в гнезде сидит уточка. Баба и говорит деду: «Смотри, старик, какая красивенькая уточка!». Дед обрадовался: «Возьмем, – говорит, – ее домой, пусть у нас живет». Стали они ее из гнезда вынимать, закрикала она. Видят старики: у нее ножка сломана. Они взяли ее тихохонько, принесли домой, сделали ей гнездышко, обложили его перьями и посадили туда свою уточку. А сами опять пошли в лес за грибами. Воротились, все у них в хате прибрано, хлебы испечены, борщ, сварен. Удивились старики, пошли к соседям, спрашивают: «Кто у нас в хате хозяйничал?». Соседи ничего не видели, ничего не знают. На другой день дед и баба снова пошли по грибы. Приходят домой, а у них и вареники сварены, и у окна прялка стоит. Побежали к соседям и спрашивают: «Не входил ли кто в нашу хату? Соседи говорят: «Дивчина ведро воды к вам несла, такая пригожая, только немного кривенькая...». Думали-думали дед да баба, баба и говорит: «Знаешь, старик, сделаем вот что: скажем, что идем по грибки, а сами спрячемся и посмотрим, кто понесет к нам воду».

Так и сделали. Притаились они за клетью, смотрят. Из их хаты выходит дивчина, такая пригожая, только немного кривенькая. Пошла она к колодцу, а дед с бабой – в хату. Смотрят: в гнезде уточки-то и нет. Взяли они ее гнездышко, бросили в печку, и оно там сгорело. Идет дивчина с водою. Вошла в хату, увидела деда и бабу и бросилась к своему гнездышку... А гнездышка-то и нет. Горько заплакала она. Дед и баба утешают ее: «Не плачь, галочка, оставайся у нас за дочку. Мы будем беречь тебя, как родную дитинку». А дивчина отвечает им: «Я бы век жила у вас, а теперь не могу. Зачем вы подглядели за мною и сожгли мое гнездышко?». И стала она просить старика: «Сделай мне, дидусь, кружилочку да веретенце, и я уйду от вас». Сделал ей дед кружилочку и веретенце, она пошла на двор, села на крышечко и стала прясть. Вот летит стадо уток; увидели утки дивчину и запели в один голос: «Вот где наша дивчина, Вот где наша гарна: на метеном дворике, у тесаного столбика; кружилочка шумит, Веретенце звенит... Бросим ей по перышку, пускай летит с нами». А дивчина запела им в ответ: «Не хочу лететь я с вами: Как была я в горе, сломала ножку, вы меня покинули, прочь улетели». Утки бросили ей по перышку и полетели дальше. Летит другое стадо уток, и запели ту же песню, так жалобно-жалобно. Затосковала дивчина, слышат, жалобную песню. Бросили ей утки по перышку. Оделась она в эти перышки, стала уточкою, поднялась в поднебесье и улетела со стаей. А дед и баба опять остались одни-одинешеньки. Вот вам и сказка да еще бубликов вязка.

Анализ-комментарий к сказке «Кривенькая уточка». Здесь мы видим *два параллельных мира* – мира деда и бабу и мира уточки, которую они нашли и хотят удочерить. У уточки свои секреты, своя личная жизнь, свои проблемы, которыми она не хочет делиться, хотя она и готова жить вместе и помогать, чем может. А баба с дедом хотят прозрачности отношений, знания всего, что происходит вокруг них. В этом (в желании уточки сохранить личное пространство и невозможности более его иметь) и заключается конфликт: нежелание уточки жить более вместе со стариками. Впрочем, *конфликт* вполне мирный, выходящий в *диалог*. Она возвращается в свой мир (ибо мир ее зовет и даже помогает ей вернуться), а они ее отпускают и тоже помогают в этом.

О чем сказка? О том, что, чтобы узнать другого, не надо применять хитрость, а надо общаться с этим человеком. О том, что естественно людям помогать друг другу. Автор сказки показывает читателю, что мир не так прост, что в нем есть проблемы, что следует понимать других, а не только потакать своим желаниям. Сказка ненавязчиво учит принимать ценности других.

В этой сказке взаимодействие автора и читателя эксплицитно: «Вот вам и сказка да еще бубликов вязка». Благодаря этой присказке обнажается намерение автора научить читателя, заставить его искать смысл и извлекать из сказки урок.

3. **ОТЧЕГО КОШКА ПРЕСЛЕДУЕТ МЫШЬ.** Шел как-то раз один человек на охоту и повстречал двух зверьков. «Откуда вы, звери?» – спросил он. «Мы из воды». «Куда вы идете?». «Мы теперь будем жить на земле». «Как вы называетесь?». «Собаки». «Да, может, вы лжете?!» Собаки вынули свои паспорта и показали. «Верно действительно, вы – собаки, – сказал человек, посмограв паспорта. – Смотрите только, вам позволено жить на земле один год, а потом опять ступайте в воду». Прошло более года. Человек опять встретил тех же зверей и стал бранить: «Отчего же вы живете на земле, когда уже прошел срок? Ступайте жить в воду!». «Нам нельзя идти в воду без паспортов». «А где же ваши паспорта?». «Мы отдали коту на хранение». «Пойдите же, возьмите их у кота». Собаки пошли к коту и стали требовать свои паспорта. «Нет их у меня: мыши утащили и съели», – отвечал кот. Нечего делать, пришлось собакам остаться на земле. Но с тех пор человек преследует собаку, собака – кошку, а кошка – мышью.

Анализ-комментарий к сказке «Отчего кошка преследует мышью». Мир этой сказки населен правилами, и его герои следуют определенному порядку, установленному кем-то (что, впрочем, не уточняется). Таким образом, можно сказать, что порядок здесь, соподчинение всех, исполнение каждого своей роли – это ценность, которая должна признаваться и организовывать совместную жизнь сообщества. Но порядка нет, хотя каждый его требует в своем случае. Таким образом, порядок – центральная тема, но подается и эксплицитно и имплицитно: эксплицитно порядок установлен, а имплицитно, он подается как абсурд.

И здесь мы видим взаимодействие автора и читателя – сказка явно объясняющая. Она для читателя, а не сама по себе.

Вместо заключения

Так что мы увидели в белорусских и украинских сказках? Учитывая тот факт, что белорусы и украинцы являются соседствующими славянскими народами, считающими себя братскими, можно было бы предположить, что эпос этих народов будет отражать приблизительно одинаковые миры и строить приблизительно одинаковые отношения. Наш анализ, представленный здесь на уровне комментирования показывает, что это не так.

Белорусская реальность, запечатленная в сказке, выводит в качестве ведущих ценностей: не конфликтность человека, соседство и отношения с родными и соседями, приверженность традициям, жизнь и умение жить. Белорус беден, его жизнь полна проблем. Решение проблем может быть разным: можно выбрать параллельное существование и плыть по течению; можно вступить в диалог, стать героем и хозяином судьбы, можно уйти от

проблемы обманом или просто уйти физически. Главное – не быть в конфликте. Картина отражаемой в сказках реальности полностью поддерживается дискурс-картиной взаимодействия автора и читателя. Здесь «неконфликтность» также подчеркнута, читатель свободен в выборе трактовки сказки. Его мир *параллелен* миру сказки и миру повествователя.

Украинская реальность – это праздник, смех, неразбериха. Она индивидуальна, с поворотом на свой мир, свою эксклюзивность. Возникающие проблемы связаны с выбором других, а решение этих проблем достигается в *диалоге* с этими другими. Диалог, в котором в полной мере проявляется роль и ценность его участника, является и основной коммуникативной стратегией украинской сказки. Таким образом подтверждая дискурс-картину актуализуемого в сказках мира.

Дискурс-анализ в контексте каузально-генетического подхода – это и прогностические выводы, например, выводы о том, как могут в дальнейшем взаимодействовать культуры, тексты которых так зримо отличны друг от друга. Полагаю, что выводы прогностического плана, однако, здесь делать несколько преждевременно с учетом того, что данное исследование с использованием вышеописанных техник анализа является по сути пилотным, что говорит, в свою очередь, о необходимости проверки результатов с учетом расширения исследовательской выборки.

Добавим лишь, что каждая новая исследовательская позиция (мы полагаем, что одну из них читатель и увидел в нашем материале) – новый виток в познании реальности, себя, своего народа, другого, равно как и в познании стиля мышления и стиля поведения, речевого поведения, осмысления и реализации своего национального стиля как в ретроспективе, так и в перспективе, перспективах, ибо, как было продемонстрировано выше, их – открытое множество. Впрочем, выбор всегда остается за настоящим.

Discourse Picture of the World and Cortege Interaction in the Slavic Folk Tales

The introduction into contemporary linguistics (the linguistics of discourse) of such new terms as *discourse picture of the world* and *discourse picture of cortege interaction* broadens the possibilities of folk-tale discourse studies and simultaneously enriches the research database on national styles. The author reconstructs discourse pictures out of Belarusian and Ukrainian folk-tales and projects them onto existing models of current civilizational development (those centered around one of four key composing elements: *dialogue, conflict, parallel existence, and centrism*). The methods of reconstructing discourse pictures of the world and interaction together with the methods of analytical commenting and projecting help to extend research frames from the functional to the dynamic. This is especially important in the research on folk-tale discourse, as it presents prototypical texts in the dynamics of permanent change of content focusing, and thus as truly alive and socially involved.

Key words: Slavic folk-tale discourse, the discourse picture of the world, the discourse picture of cortege interaction, reconstruction, multi-focused perspective.